

научная реконструкция

М.В. Горелик

Москва

Панцирь танмачи из медного гроба

Данная работа явилась своего рода продолжением статей*, посвященных исследованию уникального погребения знатного золотоордынца в медном гробу из кургана № 1 Белореченского могильника, раскопанного в 1897 г. Н.И. Веселовским. Поводом к ее написанию послужила обломанная со всех сторон железная пластинка размером 4,1 x 3,9 см с двумя круглыми выпуклостями $d =$ около 1 см (Рис. 1, 1). Видимо, поначалу она не привлекала внимания, потому как на ней не сохранилось отверстий – главного признака того, что она была деталью панциря, и пластинка «утонула» в роскошном, обильном и разнообразном инвентаре из медного гроба.

Как только внимание автора сосредоточилось на описанном обломке, сразу стали находиться аналогии, позволяющие проследить историю пупырчатых пластин.

Старейшими образцами пупырчатых пластин средневековой Евразии на сегодня можно считать железные чешуйки размером 4,5x2 см от «гуннского» панциря из погребения Кенкольской культуры в кургане № 3, Акчий Карасу в Киргизии (Кожомбердиев, Худяков, 1987. С. 95–96. Рис. 8). Четыре отверстия для пришивания чешуйки к мягкой основе занимают чуть более половины ее площади. Плотной, сплошной малоподвижной корой эти чешуйки покрывали деталь панциря. Бронированная таким образом поверхность, как верно заметили И.К. Кожомбердиев и Ю.С. Худяков, выглядела сплошь пупырчатой (Там же. С. 96). Это могла быть, например, пелерина-оплечье с основой из толстой жесткой кожи, точное воспроизведение которой можно увидеть на фигурах конных латников со стенописи «Пещеры художников» в Кызыле, Восточный Туркестан (Горелик, 1993. Рис. 2, 2, 3, 4).

Самой ранней ламеллярной пупырчатой пластиной могла бы считаться пластина из погребения 1 могильника Ломы I в Забайкалье (Рис. 2, 2) (Асеев, Кириллов, Ковычев, 1984. Табл. XXV, 7), который авторы публикации датируют VI–VII вв. (Там же. С. 114). Но на той же таблице, т.е. среди вещей третьей четверти I тысячелетия, авторы помещают изображение куячной вороненой пластины с тремя заклепками в левом верхнем углу (Там же. Табл. XXV, 11), которая надежно датируется XIV–XVIII вв. (правда, публикаторы не указывают ее происхождения). Так что датировка интересующей нас

* См. Горелик М.В., Дружинина И.А. Уникальное погребение воина золотоордынского времени на реке Белой. С. 39 настоящего издания. Горелик М.В. Предметы престижно-репрезентативного круга из кургана 1 Белореченского могильника / Сборник к 70-летию М.Г. Крамаровского (в печати).

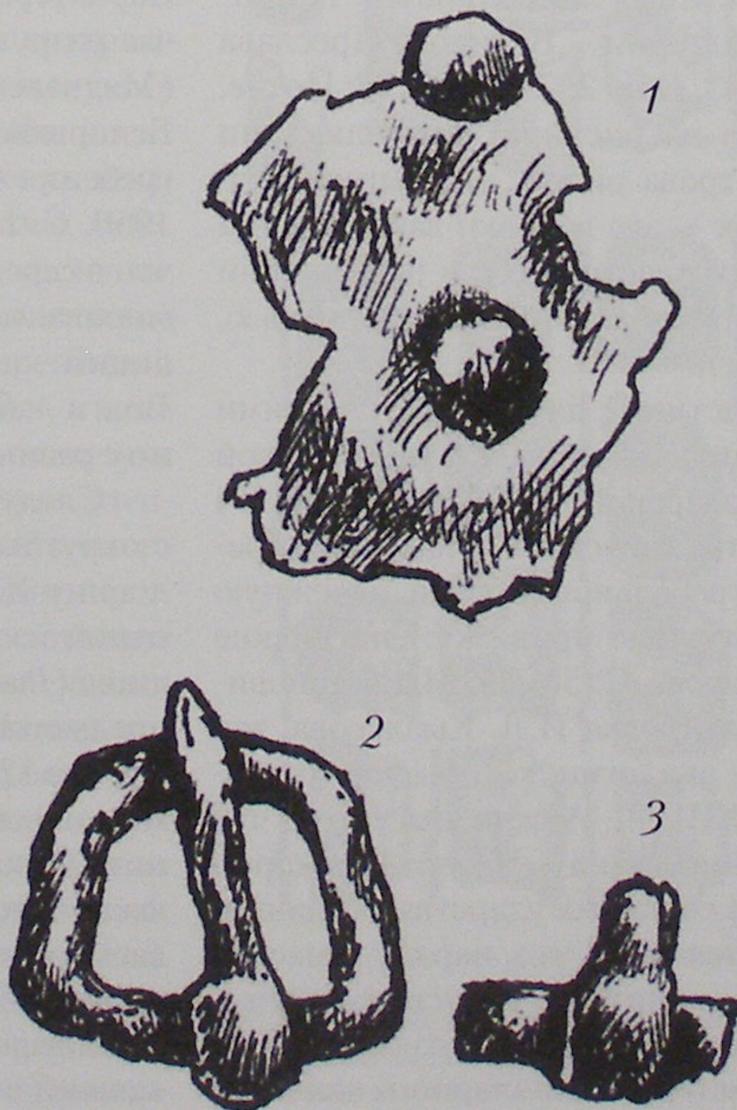

Рис. 1. Детали панциря из медного гроба – погребения в кург. № 1 Белореченского могильника, раскопки Н.И. Веселовского 1897 г. (ГИМ): 1 – обломок железной пластинки с круглыми выпуклостями от пластинчато-нашивного панциря (coat of plates, куяк, бригандина); 2, 3 – железные пряжки – застежки панциря (2 – целая, 3 – обломок)

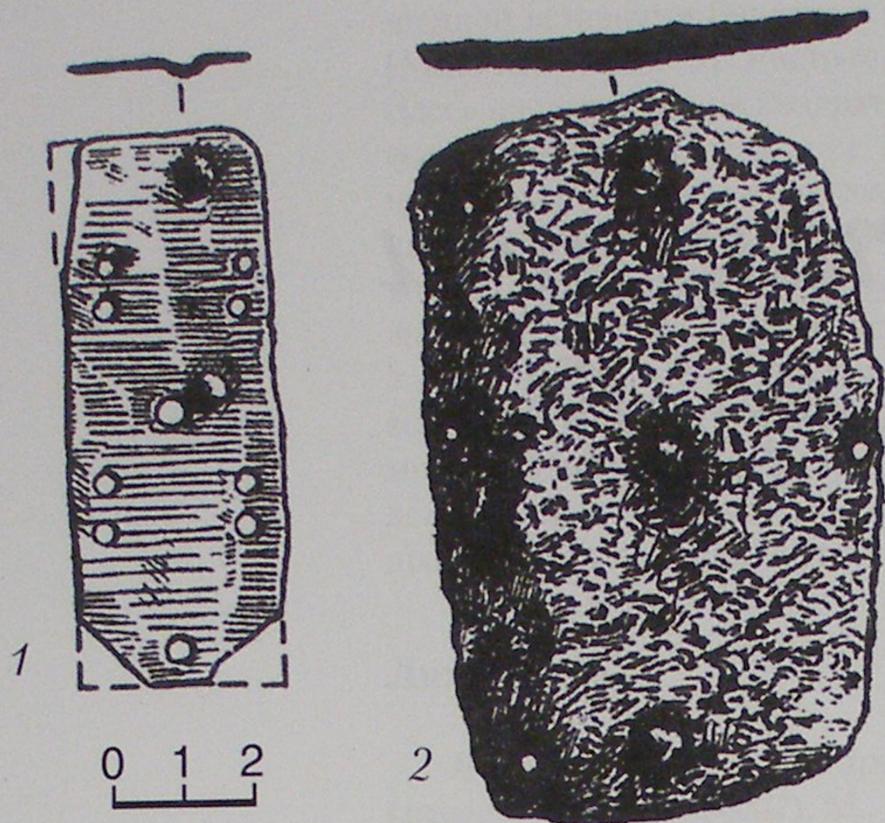

Рис. 2. Ранние образцы железных панцирных пластин с круглыми выпуклостями из Центральной Азии:

1 – от ламеллярного панциря, кург. 12 могильника Чернова, Минусинская котловина. Кыргызы, нач. XIII в. (по И.Л. Кызласову);
2 – от ламеллярного (?) панциря из погр. 1 могильника Ломы I, Забайкалье, VIII–IX вв. (по И.В. Асееву, И.И. Кириллову, Е.В. Ковычеву). Курыканы или монголы

пластины может растягиваться, на наш взгляд, от VIII–IX вв. до XIII–XIV вв., причем поздняя датировка представляется предпочтительной. Тем более что пластина к моменту публикации не была очищена от коррозии, имела совершенно заплывшие отверстия, а потому не известно, была ли она ламеллярной или же куячной. В последнем случае поздняя датировка неизбежна. С ранней датировкой пластины из могильника Ломы I могут соотноситься пластины ламеллярных панцирей из второй столицы Болгарии – Великого Преслава (Витлянов, Димитров, 1993. Обр. 2, 7, Обр. 3, 13; Йотов, 2004. Табл. LXI). Однако на рисунках в публикации С. Витлянова и Я. Димитрова видно, что выпуклости на поверхности пластинок – это головки заклепок (на определенно ламеллярных пластинках), в публикации В. Йотова отсутствует разрез пластинки с выпуклостью, поэтому ее характер не ясен.

Зато ламеллярная пластина с двумя выпуклостями из кургана № 1 могильника Чернова в Минусинской котловине (Рис. 2, 2) (Кызласов, 1983. Табл. XXXIV, 15) имеет, вследствие полноты контекста – набора погребального инвентаря и погребального обряда, надежную хронологическую и культурную привязку: енисейские кыргызы, нач. XIII в. (Там же. С. 54–55. Мы остановились на более поздней датировке И.Л. Кызласова, так как восточноевропейские аналогии, которые он приводит, теперь датируются XIII в.). А если мы учтем, что в 1207 г. старший сын Чингизхана – Чжучи – покорил кыргызов и включил их в состав государства, созданного его отцом, то становится ясно, что, наряду с массой металлической ременной гарнитуры, искусные кыргызские мастера могли тогда же ввести в монгольскую традицию и пупырчатые пластины ламеллярного панциря.

В XII–XIV вв. пластины ламеллярного доспеха в Византии и странах византийского культурного круга – в основном, на Балканах, – как это хорошо видно на памятниках изобразительного искусства, зачастую имеют одну круглую выпуклость ближе к закругленному краю (изредка – две, расположенные рядом по горизонтали) (Haldon, 2002. Ill. VI–11; Babuin, 2002. Ill. IX–2, 4, 20; Мильковић-Пепек, 1966. Ил. 40–41; D'Amato, 2010. P. 12, 41). Нужно отметить, что выпуклости показаны на более мелких пластинах нагрудно-наспинной части у их верхнего края, так как здесь в наборе ряды пластин перекрывали друг друга снизу вверх, но на крупных пластинах окантовок рукавов и низа панциря, а также надеваемых отдельно панцирных юбок выпуклости располагались внизу, так как в этих деталях пластины набирались и крепились в обратном порядке.

Монгольское нашествие дополнило в Восточной Европе византийскую традицию ламеллярного панциря с пупырчатыми пластинами. К концу первой четверти XIII в. в качестве имперской монгольской формы выкристаллизовалась преобладающая форма пластины (Рис. 3) в виде прямоугольника с одной круглой выпуклостью ближе к центру, с округлым верхним краем, шириной ок. 3 см и высотой 5–6 см, хотя встречаются как более «приземистые» (Рис. 3, 3), так и более вытянутые экземпляры (Рис. 3, 4). Количество отверстий (у тех пластин, что хорошо очищены) колеблется от 9 до 12. Пластины выкованы слегка изогнутыми вдоль вертикальной оси, что придает им дополнительную армированность, жесткость. Кстати, ту же функцию – в еще большей степени – выполняли и выпуклости, дающие к тому же декоративный эффект. Территория находок пластин эпохи монгольского завоевания охватывает пространство от Среднего и Нижнего Поволжья (булгары, саксины, половцы) до Подонцовья (половцы). Характерно, что места находок – захваченные и подчас разрушенные монголами поселения (Рис. 3, 1, 3, 4) (Медведев, 1954. Рис. 2, 7); Руденко, 2007. Рис. 64, 1–8); Белорыбкин, 2001. Рис. 80, 19), а также единичные погребения монгольских латников (Рис. 3, 2) (Синицын, 1950. С. 110–111, Рис. 32, 33). Можно констатировать, что в середине – 2-й половине XIII в. наблюдается формирование – на базе византийской и монгольской традиций – практически единой евразийской – от Дуная до Волги – брони, с близкими элементами бронирования, но с разным покровом доспехов.

Следующий этап развития ламеллярных пластин с округлыми выпуклостями приходится на вторую половину XIII–XIV вв. Их прототип можно усмотреть в одной из пластин, найденных на Золотаревском городище (Рис. 3, 4), среди беспрецедентного числа находок предметов вооружения, что связано с битвами за крепость в 1223 и 1236 гг., которые и для защитников, и для монгольских войск были столь губительны, что хоронить покойников и собирать оружие оказалось практически некому. Самым большим комплексом рассматриваемых панцирных деталей на сегодня является доспех из погребения монгольского латника у с. Новотерское в Ингушетии. Как обычно безукоризненно опубликовавший его Д.Ю. Чахкиев (Чахкиев, 1984), при анали-

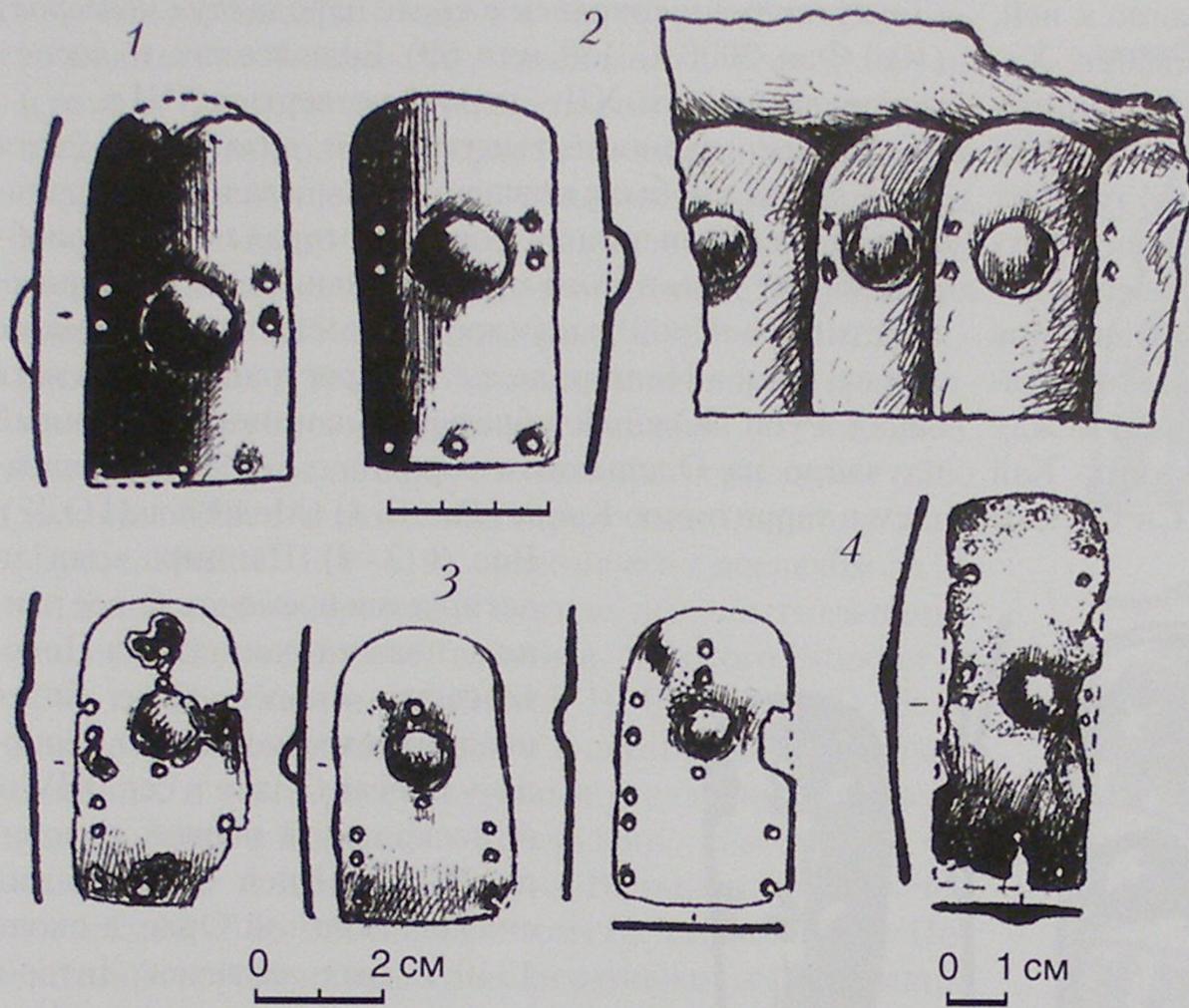

Рис. 3. Железные пластины с круглыми выпуклостями от ламеллярных панцирей из Восточной Европы середины XIII в.:

1 – Донецкое городище, Харьковская обл. (по А.Ф. Медведеву); 2 – из погребения монгольского воина Джангала 19 (Бик Бике), Нижняя Волга. Отдельная пластина и верхний ряд пластин, прикрепленный к железной планке (по Н.В. Сеницыну, А.Ф. Медведеву, Д.С. Коровкину); 3 – из болгарского Остолоповского городища, Среднее Поволжье (по К.А. Руденко); 4 – из болгарского Золотаревского городища, Среднее Поволжье (по Г.Н. Белорыбкину)

зе материала допустил ряд неточностей, что стало ясно только теперь, почти через 30 лет, с увеличением источниковой базы и стремительным развитием оружейведения. Так, подробно исследовавший шлем из данного погребения (которое, к слову, досталось археологам, будучи разрушенным школьниками) Е.И. Нарожный, расчистив его наверх, нашел ему аналогии (Нарожный, 2008. С. 45–46), непреложно датирующие шлем, а следовательно, и другие предметы погребения, периодом не ранее конца XIII – первой половины XIV вв. Метод бронирования также не совсем ясен. Д.Ю. Чахкиев так описывает остатки панциря: «Пластины ровные, узкие или широкие, прямоугольные (размеры некоторых из широких – 8,2x3,2 см). У большинства из них сохранились миниатюрные отверстия и шаровидные выпуклости. С внешней и внутренней стороны пластины несут следы ткани и кожи. Часть пластинок наглухо склепана друг с другом мелкими гвоздиками» (Чахкиев, 1984. С. 97). «Гвоздиками» исследователь называет заклепки, так как, во-первых, прибивать пластины можно только к твердой, но пробиваемой поверхности – деревянной или из кожи, каковая отсутствует, и, во-вторых, у него «гвозди» подразумевают соединение колец кольчуги «на гвоздь», что на самом деле являлось именно клепкой. Таким образом, панцирь из кургана у с. Новотерское является специфическим типом бригандины (куяка), в котором сочетаются ламеллярное соединение пластинок между собой и нашитое соединение брони с кожаной основой и тканевым покрытием. Между тем в Государственном Эрмитаже имеется прекрасно сохранившийся панцирь, состоящий из металлических пластин, нашитых на кожаную основу и приклепанных к тканевому (бархатному) покрытию, изготовленный, вероятно, в XV в. в татарской среде (Горелик, 1983. С. 251, 255. Табл. V, 1; Горелик, 2002. С. 73, 19). Причем в данном панцире ламеллярное соединение полностью отсутствует – есть только характерное для Востока на-

Рис. 4. Железные пластины с круглыми выпуклостями от золотоордынского панциря кон. XIII – нач. XIV в. из погребения золотоордынского воина у с. Новотерское, Ингушетия (по Д.Ю. Чахкиеву)

шивание на основу с изнанки и приклепывание к ней. На Западе превалировало только приклепывание. Характерным внешним признаком Новоторского панциря является наличие в его наборе пластин как с одной, так и, чаще, с двумя круглыми выпуклостями, что говорит о волне влияния архаизирующей традиции непосредственно (?) Центральной Азии. Похоже, ближе всего к доспеху из Новоторского хорошо сохранившийся панцирь из провинции Цинхай, сочетающий в себе приклепывание и ламеллярное соединение узких пластинок между собой и через замшевую основу; его публикатор Кай Фэн сообщает о нем также, что он является Си Сяским

(Тангутским) и сохранен в среде народа *ту* (монголов) (Кай Фэн, 2006. С. 138, илл. 69). Если все так, то доспех можно датировать XII – первой четвертью XIII в.

Помимо парности выпуклостей, архаизация (хотя для Европы это было новшеством) могла иногда проявляться и в изменении их формы, которая подчас приобретала вид вытянутого прямоугольника. Ламеллярные пластины с парой выпуклостей найдены как в районе Киева, так и в Новгороде, т.е. распространились на весь запад Руси. Южный образец – панцирь, найденный случайно на Олельковом городище (?), ныне вошедшем в территорию Киева (Рис. 5, 1) (Медведев, (ГОД?).

Рис. 3, 2–4). Панцирь вряд ли датируется временем более ранним, нежели панцирь из Новоторского, скорее даже более поздним отрезком этого периода – то есть ближе к сер. XIV в. А поскольку в первой половине XIV в. Киев принадлежал сначала Золотой Орде, а около 1340 г. был захвачен Литвой, то панцирь можно считать неким «переходящим призом», переданным золотоордынцами литовцам. Новгородские же пластины (Рис. 5, 2) практически идентичны монгольским пластинам середины XIII в. (Рис. 3, 1–3).

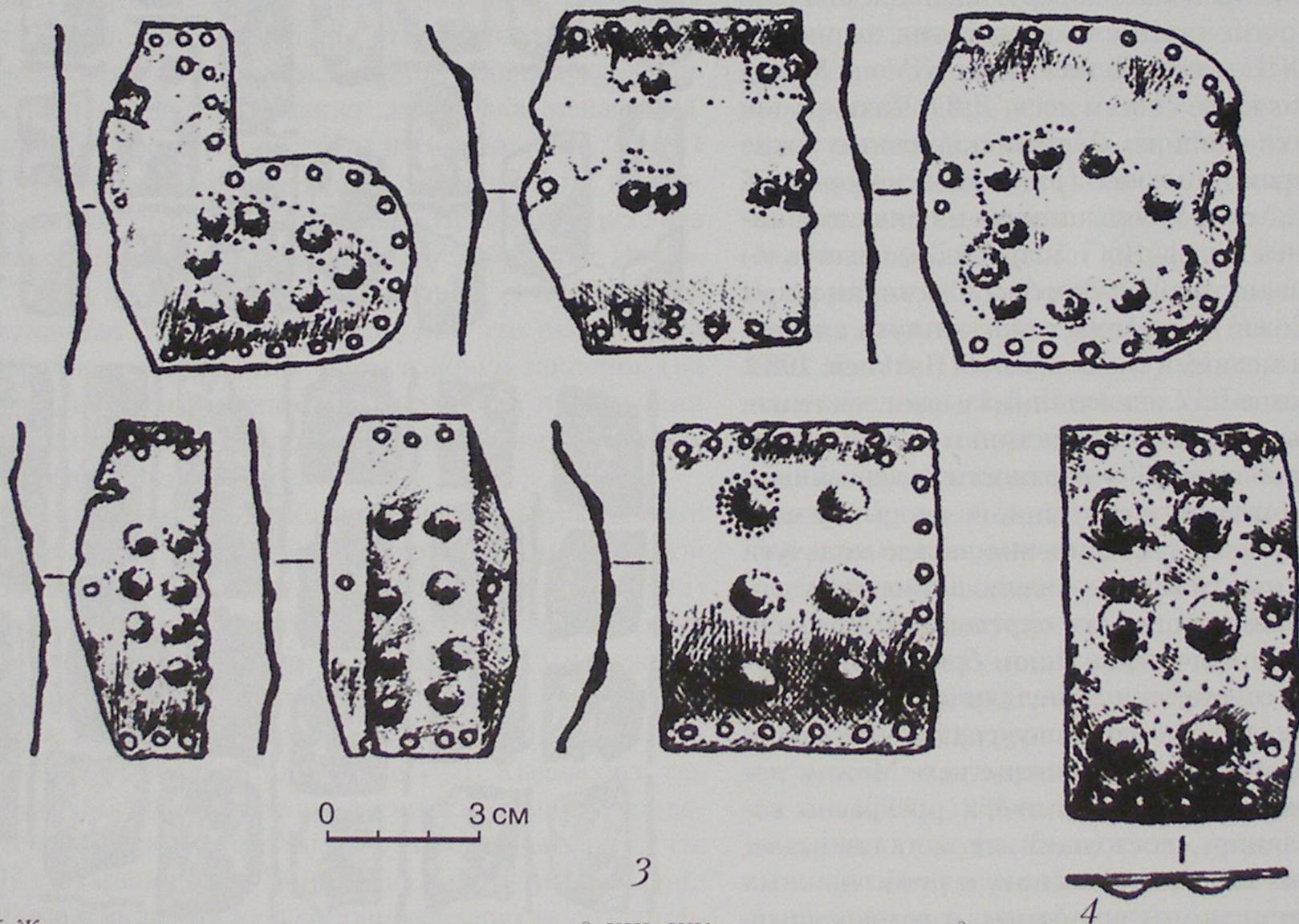
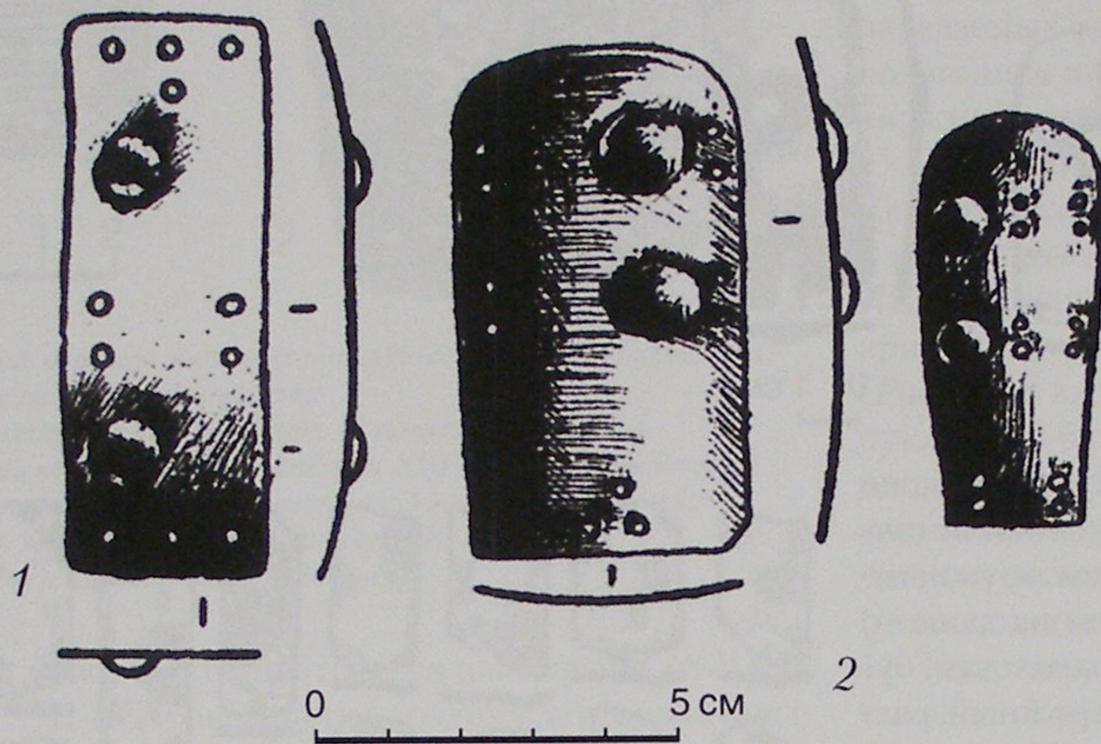

Рис. 5. Железные пластины с круглыми выпуклостями серед. XIII–XIV в. с юго- и северо-запада Восточной Европы:

1 – из Олелькова городища (?), Киев, Музей истории Киева (по А.Ф. Медведеву); 2 – из Новгорода (по А.Ф. Медведеву); 3 – из великокняжеского Нижнего замка Вильнюса, последняя треть XIV в. (по П. Бугису); 4 – из Ливонского орденского замка Алтене, Латвия, XIV в. (по Latvijas PSR Arheoloģija)

Что же касается находок на территории Велико-го княжества Литовского – наследника и запада Руси, и запада Орды, то достаточно полный комплект брони в виде пластин разной формы с большим количеством округлых выпуклостей был обнаружен при раскопках великокняжеского Нижнего замка в Вильнюсе (Бугис). Среди них есть совершенно похожие по форме на новгородские XIV в. (Медведев, 1954. Рис. 5, 10, 11) – разница лишь в том, что длинный, внешний, край литовских пластинок оформлен зубчиками (Бугис, 2008. Рис. 1). П. Бугис датировал панцирь периодом с 1350 до конца XIV в. и отнес панцирь к ламеллярному типу (Бугис, 2008. С. 116–119), сравнив его с доспехом № 25 из Висбю, где в братской могиле лежали готландцы-ополченцы, перебитые воинами датского короля в 1361 г. (Thordemann, 1939. Vol. II. Pl. 133–145). Если можно целиком согласиться и с авторской датировкой панциря, и с его рассуждениями о судьбах ламеллярного доспеха в Балтии, то совершенно невозможно согласиться с тем, что доспех из Вильнюса аналогичен доспеху № 25 из Висбю, и поэтому он ламеллярный. Последний состоит из практически одинаковых пластинок, действительно соединенных между собой ламеллярным способом (т.е. тесемками, продернутыми через **парные** отверстия), пробитых как у концевых, коротких сторон, так и **внутри**, ближе к середине пластинки. Пластины вильнюсского панциря – самых разнообразных форм, все многочисленные отверстия в них пробиты **по всему периметру, кроме одной из сторон**, где проделано обычно два отверстия. И если сравнивать его с доспехами из Висбю, то скорее с панцирем № 24 (Thordemann, 1939. Vol. II. Pl. 117–132), который относится к типу coat of plates. Так что можно полагать, что и вильнюсский доспех относится к этому типу. Но он отличается от типичных coat of plates прежде всего отсутствием заклепок и наличием точечного декора на внешней стороне некоторых пластин. Второй факт говорит о том, что пластины образовывали внешнюю сторону брони, а первый – что они не приклепывались, а пришивались к мягкой основе, которая была изнанкой. Либо основная часть пластин – рядовые узкие – нашивалась с изнанки, а специализированные – фигурные, украшенные выпуклостями и точечным декором – нашивались снаружи. Оба способа крепления брони пластинчато-нашивного панциря известны как в вещественных памятниках (например, комбинированный способ в одном из панцирей 70-х гг. XIV в. из Ийи-Кулак в Туве (Горелик, 1983. Табл. IV, V, 3; Горелик, 2011. Рис. 1; рис. 3, 2; рис. 9), так и в памятниках изобразительного искусства Западной Европы – Италии 30–40-х гг. XIV в. (Nicolle, 1988. № 1320, 1259) и Англии 1340 г. (Laffont, 1966. P. 238). Как видим, вильнюсский доспех тяготеет к образцам 30–40-х гг. XIV в. и является «младшим современником» панцирей из Новотерского и Олелькова городища. Литовской броне совершенно аналогична пластина, найденная при раскопках замка Ливонского ордена Алтене (Рис. 5, 4) (Latvijas, 1974. Tab. 35). Проблема с панцирными пластинами из Алтене в том, что Ливонский замок был построен в конце XIV в. на месте укрепления VI–XIII вв., принадлежавшего местному племени

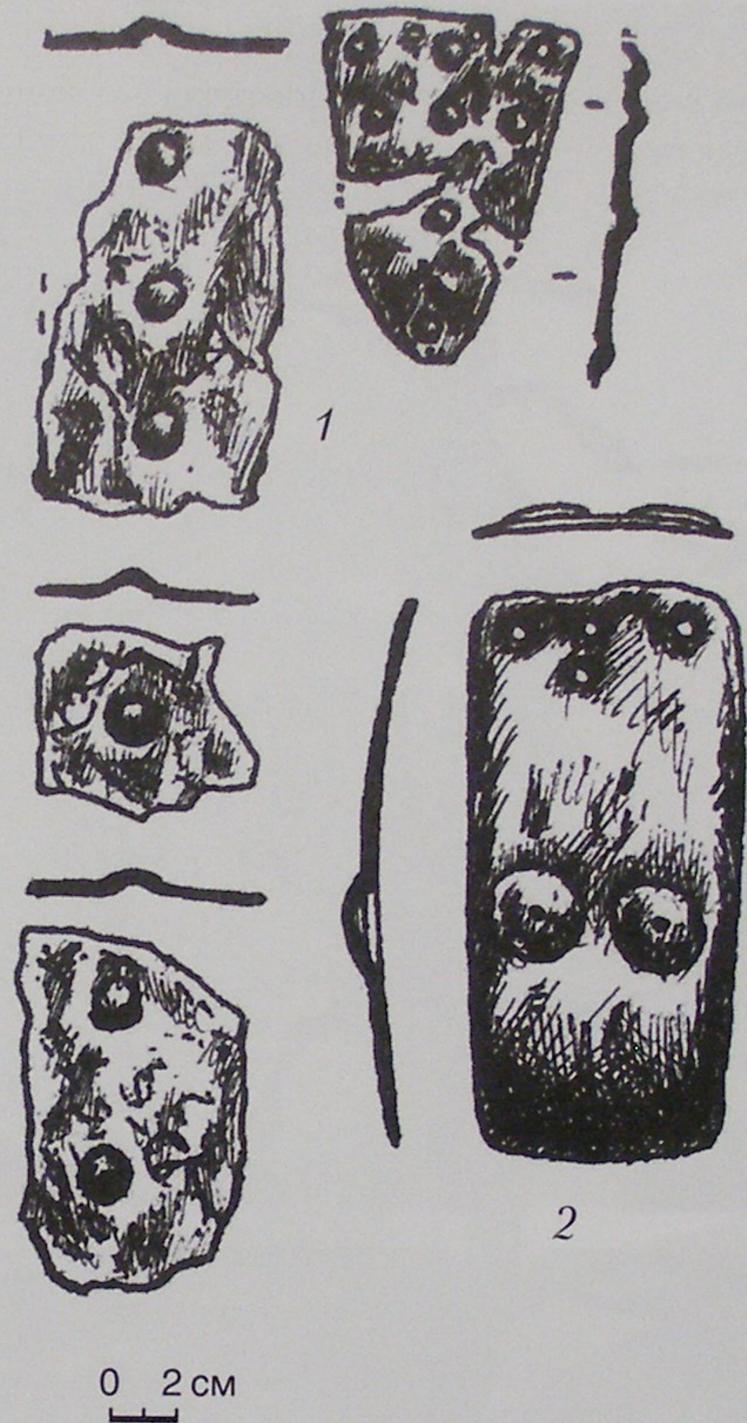

Рис. 6. Железные куячные золотоордынские пластины с несколькими круглыми выпуклостями, XIV в.:

1 – из полуподземного склепа № 10 Келийского могильника, Горная Ингушетия (по Е.И. Нарожному); 2 – из Старокуйбышевского (Спасского) V селища, Среднее Поволжье (по И.Л. Измайлову)

(Graudonis, 1983. С. 40–41, 82–83). Панцирные пластины Я. Граудонис датирует по русским, прежде всего Новгородским аналогиям XIII–XIV вв. (Там же. С. 77). Так что они предстают памятником борьбы ливонцев за овладение землями селов в XIV в., а панцирь, собранный из них, могли носить и селы, и немцы. Отсутствие на их лицевой поверхности декора, кроме выпуклостей, дает возможность предположить, что пластинки нашивались с изнанки тканевого покрытия.

Пластине из медного гроба наиболее близкой можно полагать куячную пластину из Старокуйбышевского (Спасского) V селища на Среднем Поволжье (Рис. 6, 2) (Измайлов, 1997. С. 119. Рис. 78, 7). И.Л. Измайлов датирует ее XIII в., исходя из того, что вещевой материал городища в основном домонгольский, а вещи XIV в. единичны. Полагаем, что две куячные пластины с данного городища и есть единичные вещи XIV в. На второй пластине выпуклость – головка заклепки (Там же. Рис. 78, 8), но на приведенной у нас в публикации, на изображении разреза пластины, заклепка не показана, из чего мы и заключили, что в данном случае круглые выпуклости просто выбиты в металле, а не являются головками заклепок. Что же касается интереснейшего

1а

2

16

Табл. I. «Татарские» кюяки Среднего Востока XIV–XVI вв.:
1 – детали миниатюры со сценой осады города. Тебриз, 70-е гг. XIV в. (или ее гератская копия нач. XV в.). Из «альбомов Дица». Б-ка Прусского наследия, Берлин (Diez A. Fol. 70. S. 2);
2 – деталь кюяка из собрания графа С.Д. Шереметева. Ногайцы, Крым, Средняя Азия, XV–XVI вв. (ГЭ). (Фото автора)

Табл. II. Танмачи черкесов, 3-я четверть XIV в. Реконструкция внешнего облика по материалам погребения в кург. № 1 Белореченского могильника, раскопки Н.И. Веселовского 1897 г. Реконструкция и рисунок – М.В. Горелика, 2009 г.

Табл. III. Миниатюры итальянской рукописи «Tractatus de septem vitiis», Генуя или Крым, 1330 г. Британская б-ка. Add. MS 27695:

1 – знатный итальянский синьор разъясняет сыну правила рыцарского образа жизни (fol. 2v); 2 – пир у знатного монгола – апофеоз обжорства (fol. 13r)

панцирного набора из полуподземного склепа № 10 Келийского могильника в Горной Ингушетии (Нарожный, 2011. Рис. 1), то только несколько его пластин имеют круглые выпуклости и, за отсутствием отверстий внутри их плоскости (Рис. 6, 1), могут считаться не ламеллярными, а, вероятно, куячными. Остальные, в массе своей имеющие форму вытянутого прямоугольника с множеством отверстий вдоль **всех** сторон, можно было бы счесть ламеллярными, хотя и совсем не похожими на тысячи безусловно ламеллярных пластин. Здесь можно согласиться с Е.И. Нарожным, что набор из Кели напоминает панцирный набор из Новотерского (Там же. С. 84). Только сходство между ними не «отдаленное» (Там же.), а значительно более тесное, т.к. только этим наборам присущи признаки ламеллярного на основе и куячного соединения одновременно.

Возвратимся наконец к обломку пластины из медного гроба. Мы можем с большой долей вероятности считать ее куячной, поскольку никаких отверстий для

ламельярного соединения на ней не наблюдается. Таким образом, она входит в круг выявленной выше большой традиции пупырчатых панцирных пластин, которые применялись в самых разных вариантах брони с VII по XIV вв. от Забайкалья до Балкан. В XIV в. от Испании до Средней Азии и Ирана одним из основных стал принесенный монголами на запад от Восточной Азии панцирь из пластин, пришитых и приклепанных к изнанке мягкой основы, крытой цветной дорогой тканью – красным, сиреневым, зеленым сукном или барханом (Клавихо, 1990. С. 141; Исмагилов, Худяков, 1993). Как это видно на тебризской миниатюре 70-х гг. XIV в. (Табл. I. 1), куячные панцири были весьма разнообразными. На их поверхности различимы узкие параллельные полосы, свидетельствующие о наличии металлического подбоя из набегающих нешироких пластинок, пришитых к основе, а также желтые кружки, изображающие золоченые головки заклепок, и колечки. Последние могли означать кружочки из золоченого пергамен-

Табл. IV. Фреска Нузальской часовни с портретами аланской знати, горная Северная Осетия, 30–40-е гг. XIV в. Копия М.С. Шайблер. Государственный музей истории Грузии (в наст. время – Музей Грузии им. Симона Джанашия), Тбилиси. (Фото Д.В. Белецкого)

та, подложенные под железные головки заклепок, чтобы их острые края не рвали дорогую ткань (у золоченых и обтянутых бронзой эту функцию выполняли золочение и обтяжка) и для красоты. Пергаментные кружки, подложенные под железные головки заклепок, можно наблюдать на «татарских» куюках XV–XVI вв. из собрания графа С.Д. Шереметева, ныне хранящихся в Государственном Эрмитаже (ГЭ) (Табл. I, 2) Можно также предположить, что круглые выпуклости пластин могли выставляться наружу в проделанные в ткани отверстия, а чтобы ее закрепить вокруг выпуклости, на ткань насаживали и пришивали или приклеивали к ней колечко из золоченого пергамента. Блестящие железные выпуклости, круженные золотыми колечками, очень нарядно могли смотреться на темной ткани.

Касаясь вопроса узкой датировки панциря, к которому относилась пластина из медного гроба, необходимо подчеркнуть, что в могилу был положен маленький обрывок доспеха. Этот обычай хорошо известен в кавказской этнографии: еще в XIX в. в Грузии обрывки кольчуг клали даже в погребения замужних женщин. Как бы там ни было, всегда часть панциря, укладываемая в погребение в качестве *pars pro toto*, бралась от старого, негодного к полноценному боевому применению доспеха. Тем более что раскопанные в черкесских погребениях XIV–XV вв. многочисленные кольчуги были вполне полными. Значит, причины того, что в могилу положили не целый панцирь, коих у покойника имелось, без сомнения, несколько, а его обрывок, заключались в том, что этот доспех был, во-первых, весьма старый, во-вторых, – сильно поврежденный во время частого и героического употребления, а потому, в третьих, – мемориальный. Таким образом, между «жизнью» доспеха и его погребением могло пройти и 10 лет, и более, в зависимости от частоты и интенсивности употребления в боях.

Реконструируя панцирь из медного гроба, необходимо иметь в виду, кем был владелец доспеха, обрывок

которого положен в гроб. Вероятно, он был золотоордынским **танмачи** (тюрк. *баскак*) – поставленным центральным правительством начальником местных «инородческих» – в данном случае черкесских – вооруженных контингентов, выступающих под руководством своей собственной военно-политической элиты и находящихся на военной службе у правительства Улуса Джучи. Потому этот панцирь, несмотря на схожесть его с итальянскими панцирями, которые использовались в то же время в Крыму и Приазовье, и один из которых раскопан в г. Азове и нами реконструирован (Горелик, Фомичев, 2010), мы предпочли бы воссоздать по азиатским вариантам (Горелик, 1983. Табл. II, 5; табл. V; Горелик, 2011. Рис. 2; Рис. 4; Рис. 9). Таким образом, панцирь из медного гроба представлен состоящим из двух частей: безрукавного жилета с двумя лопастями набедренников спереди, и поддеваемой под жилет распашной спереди пелерины, к которой прикреплены куючные лопасти наплечников (Табл. II). Автор попытался показать его с прорезями в ткани для выступающих наружу выпуклостей, окруженных пергаментными золочеными колечками. Так что панцирь выступает скорее парадным нарядным облачением военачальника, нежели боевым доспехом. Панцирь застегивается с помощью рамчатых, с иглой, пряжек, две из которых – целая, с рамкой трапециевидной формы (Рис. 1, 2), и дошедшая в виде обломка (Рис. 1, 3) – были найдены в медном гробу.

Реконструируя полный внешний облик похороненного в медном гробу **танмачи** черкесов, который и сам, судя по погребальному обряду, принадлежал к местной знати, автор разместил его оружие и снаряжение на двух портупейных поясах. На более чем столетнем, прадедовском саадачном поясе с серебряным набором – листовидными бляшками с колечками и застежкой-крючком – на колечках подвешены саадак (колчан со стрелами и налуч с луком), нож с перекрестьем и длинный мусат с треугольным верхом. На но-

вом, собственном клинковом поясе с золотым набором и застежкой-замком подвешены на петлях несущих крупных блях-пронизей старая отцовская сабля в серебряной гарнитуре, нож и сумка-кошель (калта) с прибором для добывания огня. Боевой топор *танмачи* держит в руке, но в походе топор укреплен в петле на переднем выступе правой полки седла.

Костюм, от которого не дошло ничего, реконструируется на основании изобразительных и археологических памятников региона XIV в. Поскольку *танмачи* – монгольское должностное лицо, его прическа и головной убор не должны оставлять сомнений относительно того, чье правительство он представлял. Поэтому у него официальная монгольская прическа: макушка и углы лба выбриты, на лоб спускается чуб-*хохол*, две косы свернуты за ушами в кольца. На голове – монгольская шапка с тульей яйцеобразной формы, простеганной и крытой шелком. На макушке – навершие из золотной или золоченой ткани с басонным украшением-шнуром, искусно завязанным узлом, из которого спускаются его концы с кистями. Разрезанные спереди поля шапки загнуты вверх, чтобы был виден их декор, выполненный аппликацией.

Наш герой облачен в два верхних халата/кафтана. Нижний – типично монгольский *дегель* из ирано-монгольской парчи. Верхнее одеяние – распашной, итальянского покроя кафтан со стоячим высоким воротником, откидными широкими рукавами, разрезы для продевания рук в которых проделаны на уровне локтя, и галунными оторочками краев и швов (Горелик, 2010. Рис. 17, 6–10), сшитый из итальянской ткани. Такие кафтаны носили в Италии прежде всего военные. Высокая вероятность ношения в торжественной обстановке итальянского парадного платья обусловлена ситуацией на западе и даже в центре Северного Кавказа, когда местная элита находилась в столь тесной культурной связи с элитой итальянских колоний северо-восточного Причерноморья, что одни и те же итальянские костюмы описанного типа мы видим как на изображениях итальянских синьоров (Табл. III, 1), так и в сцене пира (Табл. III, 2) представителя монгольской знати, одетого в точно переданный парадный монгольский имперский халат и шапку с двумя перьями цапли и плюмажем, с монгольскими сосудами. По обе стороны от монгола сидят гости-европейцы (итальянцы) в подаренных монгольских парадных халатах, но западноевропейских

чепцах. Музыканты у верхнего края миниатюры облачены в итальянские одежды знати, сидящие рядом с гостями монгола – в монгольские парадные халаты и пояса, на шапках – только плюмажи. А оркестр, изображенный внизу миниатюры, состоит из итальянских трубачей и барабанщика, негра-литаврщика в итальянском наряде, и двух монголов, играющих... на органе. Причем тот, что качает мехи, одет в классический, но обычный *дегель* и простоволос, а у клавишника полный парадный монгольский костюм, при этом он кучеряв и имеет выраженные кавказско-семитские черты лица. И все это изображено на миниатюрах итальянской рукописи «Tractatus de septem vitiis», созданной в Генуе или даже в Крыму в 1330 г. и хранящейся ныне в Британской Библиотеке (Scott, 2009. Abb. 51, 54). Ту же ситуацию отражают росписи первой половины XIV в. в Нузальской часовне в Северной Осетии (Кузнецов, 1990; Белецкий, 2004). (Табл. IV). Представители высшей аланской знати, изображенные здесь грузинским мастером, облачены как в монгольские, так и в итальянские костюмы, причем в последнем случае головным убором могла служить смушковая остроконечная папаха, излюбленная половцами. Археологическим примером ношения чиновником монгольской империи итальянского кафтана описанного покроя, да еще сшитого из алой с золотом китайской парчи с драконами, является кафтан, раскопанный в погребении нач. XIV в. могильника Джухта-2 (Доде, 2007. Рис. 3, 6; Горелик, 2010. С. 210–211. Рис. 18, 1).

Откидные рукава были типичны для монгольских одеяний, а в нашем случае итальянские приметы верхнего кафтана по большей части скрыты азиатским панцирем (тем не менее перекликающимся с подобными итальянскими доспехами). В качестве же обуви предложен местный, кавказский ее комплект – высокие сапоги из тонкой мягкой кожи с надетыми поверх башмаками из более толстой кожи. Подобный комплект мы видим на кубачинских рельефах XIV в. (Горелик, 2010. Рис. 10, 1), а также среди археологических находок обуви XVI–XVII вв. в горных могильниках Северной Осетии (за возможность ознакомления с последними автор выражает искреннюю благодарность Э.С. Кантемирову).

Как видим, даже маленький обломок панцирной пластинки позволяет при внимательном и подробном рассмотрении поднять целый пласт историко-культурных проблем и в какой-то мере распутать узел их хитросплетений.

Литература

Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья. Новосибирск, 1984.

Белецкий Д.В. Заметки о нузальском храме // Историко-филологический архив. 2. Владикавказ, 2004.

Белорыбкин Г.Н. Золотаревское городище. СПб., 2001.

Бугис П. Находка панцирных пластин на территории великокняжеского замка исторического Вильно // Военная археология. Вып. 1. М., 2008.

Витлянов С., Димитров Я. Защитно-вооружениеот Преслав // Преслав 5 сборник. София, 1993.

Горелик М.В. Монголо-татарское оборонительное вооружение второй половины XIV – начала XV в. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983.

Горелик М.В. Защитное вооружение степной зоны Евразии и прилегающих к ней территорий в I тыс. н. э. // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.

- Горелик М.В.* Армии монголо-татар X-XIV вв. Военское искусство, оружие, снаряжение. М., 2002.
- Горелик М.В.* Золотоордынский костюм Кавказа (вторая половина XIII – XIV в.) // Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа (МИАСК). Вып. 11. Армавир, 2010.
- Горелик М.В.* Комплекс монгольского воинского снаряжения из Тувы // Золотоордынское наследие: Материалы второй Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды», посвященной памяти М.А. Усманова. Вып. 2. Казань, 2011.
- Доде З.В.* Шелк в культуре Монгольской империи // Шелковый путь. 5000 лет искусства шелка: Каталог выставки. СПб., 2007.
- Измайлов И.Л.* Вооружение и военное дело Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань–Магадан, 1997.
- Исмагилов Р.Б., Худяков Ю.С.* Панцирь из городища Бузук Тобе // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск, 1993.
- Йотов В.* Въоръжението и снаряжението от българското средновековие (VII–XI в.). Варна, 2004.
- Кай Фэн.* Доспех в Китае. Шанхай, 2006 (на китайск. яз.).
- Клавихо Руй Гонсалес де.* Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403–1406). М., 1990.
- Кожомбердиев И.К., Худяков Ю.С.* Комплекс вооружения Кенкольского воина // Военное дело древнего населения Северной Азии. Новосибирск, 1987.
- Коровкин Д.С.* Элементы ламинарной конструкции в защитном снаряжении кочевников восточноевропейских степей в XIII–XV вв. // Куликово поле и Юго-Восточная Русь в XII–XIV веках. Тула, 2005.
- Кузнецов В.А.* Реком, Нузал и Царазонта. Владикавказ, 1990.
- Кызласов И.Л.* Аскизская культура Южной Сибири. Свод археологических источников (САИ). Вып. ЕЗ–18. М., 1983.
- Медведев А.Ф.* К истории пластинчатого доспеха на Руси // Советская археология (СА). 1954. № 2.
- Милькович-Пепек П.* Нерези. Београд, 1966.
- Нарожный Е.И.* О некоторых типах средневековых шлемов с территории Северного Кавказа // Военная археология. Вып. 1. М., 2008.
- Нарожный Е.И.* Пластины доспеха из полуподземного склепа № 10 Келийского могильника (Горная Ингушетия) // Военное дело Золотой Орды: проблемы и перспективы изучения. Казань, 2011.
- Руденко К.А.* Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань, 2007.
- Синицын И.В.* Археологические памятники на реке Малый Узень (Саратовская область и Западный Казахстан) // КСИИМК. Вып. XXXII. М.–Л., 1950.
- Чахкиев Д.Ю.* Богатое погребение воина-кочевника у села Новотерское (Чечено-Ингушетия) // Археология и вопросы истории Северного Кавказа. Грозный, 1984.
- Babuin A.* Later Byzantine Arms and Armour // A Companion to Medieval Arms and Armour. Woodbridge, 2002.
- D'Amato R.* The varangian Guard 988–2453. Oxford, 2010.
- Holdon J.* Some Aspects of Early Byzantine Arms and Armour // A Companion to Medieval Arms and Armour. Woodbridge, 2002.
- Graudonis J.* Altene // Arheologija un etnografija. XIV. Riga, 1983.
- Laffont R.* The Ancient Art of Warfare. Turin, 1966.
- Latvijas PSR arheologija.* Riga, 1974.
- Nicolle D.C.* Arms and Armour of the Crusading Era 1050–1350. New York, 1988.
- Scott M.* Kleidung und Mode im Mittelalter. Darmstadt-Stuttgart, 2009.
- Thordemann B.* Armour from the Battle of Visby 1361. Vol. I, II. Stockholm, 1939.

2011 г.

M. V. Gorelik**Tanmachi coat-of-plates from the copper coffin**

The article deals with reconstructing the coat-of-plates that includes a fragment of the plate with two protruding rounds found in the barrow #1 of the Belaya River sepulchre. Reconstructed by the author is the story of similar plates that go back to the Central Asian cultures of late 1st – early 2nd millennium. In C12 the plates were in use at

the Balkans and in Eastern Europe. As Mongolian invaders went further, pimpled armour plates spread wider across all Eastern Europe including its northern part. Initially they were used as part of lamellar armour and in C14 they gained popularity as part of plate armour. This is the type of the coat-of-plates our plate is part of.